

КУЛЬТУРА

ХУДОЖНИК
И ВРЕМЯ

НОННА Викторовна Мордюкова не актерски невнимательна к своим фотографиям, к рецензиям и отзывам на свои фильмы и роли. Когда несколько лет назад мне понадобился иллюстративный материал для книжки, то найти хоть что-нибудь интересное о жизни и работе актрисы оказалось непросто — в доме не нашлось даже семейного альбома в приличном состоянии. И все же один портрет актрисы в этом доме был недавно повешен, как и положено, на стену.

В портрете работы фотохудожника И. Гневашева нет и попытки польстить оригиналу: актриса выглядит на нем ни моложе, ни лучше, чем она есть в действительности. Из медальонного овала, светящегося бежево-розоватыми и коричневыми тонами, глубокими темными глазами смотрит женщина. Овал фотопортрета положен на прямоугольник деревянного среза... Плоть дерева, на которую опирается фотография, еще добавляет прочности тому спокойствию, которым наполнен взгляд. Это лицо, такое знакомое нам по фильмам, и похоже, и не похоже на привычное экранное. Немного усталое, немного замкнутое. Значительное.

За этим сегодняшним днем зрелости актрисы — более двадцати лет работы в кинематографе. Счастье удач, сбывшиеся и несбывшиеся планы, привязанность и признательность зрителей, труд ежедневный, без отпуска и без отдыха — труд и жизнь художника.

Сложно отметить в прожитых ролях и годах тот рубеж, когда Нонна Мордюкова стала актрисой, любимой и почитаемой повсеместно. Видимо, и нет такого рубежа. Она обрела народную любовь постепенно, от работы к работе, каждым новым появлением на экране. Не просто обаяние, но притягательность личности, не просто красота, но прекрасная значительность, не просто актерский и человеческий темперамент — но страсть к своему призванию, своему предназначению...

Джеймс Олдридж, будучи гостем IV Московского международного кинофестиваля, сказал Нонне Викторовне при встрече, что минутный эпизод в «Войне и мире» наравне с «Председателем» сделал для него Мордюкову актрисой-символом, женщиной-символом, олицетворяющим в себе русскую душу, русский характер, русскую широту и вольность.

...В сарафане, в расшитой кичке, плавно и неслышно ступая, Анисья появляется перед гостями. «Она подошла к столу, — написано у Толстого, — поставила поднос и ловко своими белыми пухлыми руками сняла и раставила по столу бутылки, закуски и угощения. Окончив это, она отошла и с улыбкой на лице стала у двери. — «Вот она и я! Теперь понимаю дядюшку?» — сказал Ростову ее появление».

Дотошный зритель мог опростоваты Мордюкову в этом эпизоде: нет в ней описанной Толстым пухлости, румяно-белой дородности. В раме деревянного дверного проема она, как женский портрет кисти Венецианова. Но когда зазвучала гитара «по у-ли-це мостовой...» и

люди искусства

ХОЗЯЙКА
РУССКОГО
ПОЛЯ

Инна ЛЕВШИНА

когда Мордюкова — Анисья начинает слушать, экран раскрывает нам всю гамму толстовского письма. Как ее Анисьюшка слушает! Она вся поет. Поет глазами, руками, легким дрожанием ломких бровей... томительно медленно отделяется от двери... растворяется в мелодии...

Черты русского национального характера не возникли в «Войне и мире» вдруг, они неотторжимы от актрисы с самого начала ее пути. Александр Петрович Довженко, увидев Мордюкову на выпускном спектакле во ВГИКе, говорил, что испытывает такое чувство, будто все рабочие и крестьяне послали от своего имени Нонну учиться в киноинститут. Когда же впервые после окончания ВГИКа Мордюкова появилась на съемках фильма «Возвращение Василия Бортникова» в эпизодической роли Насти Огородниковой, Всеволод Илларионович Пудовкин растрогался и заволновался: «Нет, вы посмотрите, вы только посмотрите, как эта девочка работает! Товарищи, ну почему у нее такая маленькая роль?»

С тех пор были и другие маленькие роли, были и боль-

шие. Была слава и популярность, свалившиеся на актрису в самом начале пути, когда студенткой института она сыграла в «Молодой гвардии». Была долгая и прочная признательность за «Чужую родню» и «Простую историю», за «Председателя». Было приятное удивление зрителей, увидевших актрису в неожиданных комедийных, даже гротескных ролях — в «Женитьбе Бальзамина», в «Бриллиантовой руке». И, наконец, благодарность за недавнюю работу в «Русском поле», где образ Федосьи Угрюмовой стал основной художественной и нравственной ценностью фильма. Возможно, что Федя в «Русском поле» многим близка трагизмом своей судьбы, который был изначально заключен в драматургии роли, еще до всякого вмешательства актрисы. Ведь приветствовали же мы более двадцати лет назад Улю Грому, будучи благодарны юной актрисе не столько даже за искусство, которого еще, быть может, и не было в этой первой учебной работе, а за то, что она воплотила для нас Ульяну, за нашу общую с ней искреннюю и трепетную влюбленность в героиню.

И вместе с тем мне хочется здесь задуматься над той высокой мерой искусства, которой наделена последняя крупная работа Мордюковой в кино. Федя в «Русском поле» представляет, на мой взгляд, какую-то новую грань в творчестве актрисы.

...В одном из учебных вжившихся спектаклей Нонна читала монолог Федры из «Ипполита». Неуловимое движение рук, чуть откинувшийся корпус, и вот Федра — прекрасная царственная женщина, мчит на колеснице... Казалось, раздвинулись стены, в глаза бьет ветер, сильное тело, напрягаясь, сдерживает бешеных коней, звенят еврипидовские строки, кованные из металла, по горящим, пылающим от волнения и страсти щекам текут слезы. Казалось, в огромном зале никого нет — такая стояла тишина! В учебном спектакле рождалась большая трагическая актриса. А Катюша Маслова, сыгранная в конце первого курса? Катюша — яростная, раненая, созданная без опыта, без техники, одним стихийным талантом, одним ощущением ужасности Катюшиной судьбы, переживанием ее состояния как своего собственного. Катюша, рожденная гневным состраданием...

Я специально привела несколько примеров далеких юношеских работ актрисы. Дня Трубинова, Саня Потапова, купчиха Белотелова у всех на памяти, и зрительно нетрудно увидеть внутренним зрением этих героинь Мордюковой, каждая из которых — особенная и неповторимая актерская работа. Но одно их роднит — масштаб и яркость художественной личности актрисы, крупность и выразительность ее исполнительского почерка.

Еще с тех студенческих лет во всем, что делает актриса, мы встречаемся с открытым темпераментом, со способностью прочесть роль и кусок жизни, этой ролью ограниченный, шире жизненного правдоподобия, со способностью увидеть человека и явление укрупненно, сказать о них громко и страстно.

И вот Федя Угрюмова в «Русском поле». Спокойствием веет от ее глуховатого голоса, мягких движений, проникающего неторопливого взгляда. В этой роли смягчен и притушен темперамент актрисы: он весь ушел куда-то вглубь, он живет в героине, питая собой ее волю и мужество, ее способность спорить с нелегкой судьбой.

В открытое окно экрана влияют широкие родные пейзажи — леса и перелески, пригорки и реки, созревшие хлеба и снежные покровы. Неотделимо от всего этого воспринимается в фильме Хозяйка русского поля — героиня Нонны Мордюковой.

Думаю, что эта работа — работа в пору зрелости актрисы — есть органический сплав таланта, мысли, национального характера, профессионального мастерства. Думаю, что это одна из тех ролей актрисы, которая станет предметом долгой зрительской любви и признательности. В то же время думаю, что это проявление только одной из многих граней ее творческого дарования.

Фото И. Гневашева.